

Замѣтки о балтійскихъ именныхъ основахъ на—(j)ē и -jo¹⁾. 241р.

(По поводу книги F. Sommer'a: Die indogermanischen iā- und io-Stämme im Baltischen).

Такъ какъ въ славянскихъ существительныхъ типа р. воля или кожа удареніе падаетъ не на конечный слогъ, какъ ожидалось бы, если бы эти слова представляли собою старья основы на -jā, но на корень слова, то иногда высказывалось предположеніе, что такія формы—собственно старья основы на -jē, соответствующія балтійскимъ основамъ типа лит. žėmė «земля»; см. наприм. Nujei Slovanská deklinace jmenná 5. Теперь же, въ вышеупомянутой книгѣ Зоммера выводится заключеніе, что въ индоевропейскомъ праязыкѣ не было никакихъ основъ на -jē, и что балтійскія основы на -(j)ē въ прабалтійскую эпоху фонетически получились изъ старыхъ основъ на -jā. И землякъ автора проф. E. Hermann—уже успѣшилъ дать о новой книгѣ слѣдующій похвальный отзывъ (Literar. Zentralblatt за 1916 г., стр. 84): «Die Ausführungen des bekannten Sprachforschers treffen im grossen und ganzen sicherlich das Richtige und beseitigen ein altes schwieriges Problem; auch viele Einzelheiten sind scharfsinnig beobachtet, so dass das Buch einen grossen Gewinn für die Erforschung der baltischen Sprachen bedeutet». Посмотримъ однако, насколько все это правильно.

Индоевропейскому праязыку приписывались именные основы на -jē на основаніи балтійскихъ именъ типа лит. žėmė и латинскихъ словъ «пятого» склоненія родѣ faciēs «наружный видъ» или fidēs «довѣріе»; о томъ, что также въ балтійскихъ языкахъ при основахъ на -jē могли существовать также основы на -ē (безъ предшествующаго -j-), см. Р. Ф. В. LXX 109¹⁾ сл. Зоммеръ же, опаривая историческую связь указанныхъ латинскихъ и балтійскихъ основъ, I. с. 13 ссылается, во-первыхъ, на полное отсутствіе

¹⁾ Во избѣжаніе типографскихъ затрудненій неслоговое *i* въ этой статьѣ обозначается буквой *j*.

такихъ латинскихъ словъ на *-ēs*, которыя бы точно соотвѣтствовали балтійскимъ основамъ на *-(j) ē*. Но, съ одной стороны, это, кажется, не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ старолат. *facēs* «факель» (см. Walde Latein. etymol. Wrtb.² подъ *faciēs*) вѣроятно—за исключеніемъ окончанія *-s*—точно соотвѣтствуетъ лит. *žvākė* «свѣча»; а съ другой стороны, вообще вѣдь число латинскихъ словъ, точно соотвѣтствующихъ какому-нибудь балтійскому слову, не велико: такъ, наприм., изъ латинскихъ основъ на *-u*, кажется, только *resu* «скотъ» находитъ себѣ полное соотвѣтствіе въ балтійскихъ языкахъ (пр. *resku* и лит. *rėku-s* «скотъ»), но и этотъ примѣръ сомнителенъ, такъ какъ это балтійское слово изъ-за своего *-k*, вѣроятно, заимствованіе изъ германскихъ языковъ. Затѣмъ Зоммеръ I. с. указываетъ на то, что по своему значенію эти латинскія и балтійскія основы сходятся между собою только въ словахъ, обозначающихъ отвлеченныя понятія (наприм., лат. *gabiēs* «бѣшенство», лит. *mėlė* «любовь» и др.), тогда какъ извѣстное въ балтійскомъ употребленіе даннаго суффикса для образованія словъ женскаго рода (наприм., лит. *vilkė* «волчица»: *vilkas* «волкъ») совершенно чуждо латинскому языку. Но это частичное различіе въ значеніи нисколько не удивительно, такъ какъ послѣ распаденія индоевропейскаго праязыка италійскія племена, повидимому, уже не соприкасались съ балтійцами; вѣдь, нѣкоторыя крупныя различія въ употребленіи суффиксовъ находимъ даже между близко родственными другъ съ другомъ литовскимъ и латышскимъ языками, см. Leskien Die Bildung der Nomina im Litauischen стр. 150 (о суффиксѣ *-jo-*), стр. 258 слл. (о суффиксѣ *-ino-*) и стр. 262 слл. (о суффиксахъ съ *ie* передъ *n*).—Наконецъ, Зоммеръ I. с. считаетъ возможнымъ возводить также латинскія имена на *-iēs* къ старымъ основамъ на *-iā* (sic!), ссылаясь при этомъ на второе изданіе своего Handbuch d. lat. Laut- und Formenl. стр. 394 сл. Вопросъ о происхожденіи латинскихъ словъ на *-iēs* однако можемъ оставить въ сторонѣ. Даже если бы взглядъ Зоммера на латинскія слова типа *gabiēs* оказался правильнымъ, то все-равно приходится возводить балтійскія основы на *-(j) ē* къ индоевропейскому праязыку, пока не доказано, что онѣ возникли лишь только на балтійской почвѣ. Итакъ, дѣйствительно ли это доказано Зоммеромъ?

По его мнѣнію I. с. 368 слл. въ прабалтійскомъ старое *jā* послѣ согласныхъ—за исключеніемъ корневыхъ *l, r, n*—измѣнилось въ *iā*, послѣ чего такое *iā*, если его *ā* произносилось съ акутомъ, въ самомъ концѣ слова и передъ *-s* подвергалось сліянью въ циркумфлектированное *ē*, а затѣмъ не подвергшееся сліянью *jā* снова измѣнилось въ *jā*; первоначальное же чередованіе *ē* и *jā* въ концѣ

однѣхъ и тѣхъ же основъ въ послѣдствіи было устранено обобщеніемъ или гласнаго *ē*, или же *jā*. Тутъ прежде всего трудно вѣрится въ сліяніе *iā* въ *ē* вообще и въ особенности, если такое сліяніе обусловлено интонаціей и фонетическимъ положеніемъ гласнаго *ā*; въ какомъ же языкѣ еще находимъ тому подобное сліяніе *iā* въ *ē* (вмѣсто естественнаго измѣненія *iā* въ *jā* или *ijā*)? Характерно для Зоммера, что онъ совершенно умалчиваетъ объ этомъ фонетическомъ затрудненіи. Но, можетъ быть, данныя балтійскихъ языковъ оправдываютъ только что изложенную гипотезу Зоммера?

Однимъ изъ наиболѣе сильныхъ аргументовъ въ пользу возникновенія *-ē* изъ *-iā* онъ самъ на стр. 11 считаетъ лит. *svočià*—форму женскаго рода къ *svōtas*,—тогда какъ, наприм., при лит. *beñdras* «товарищъ» имѣется форма женскаго рода на *-ė* (*beñdrė*): невѣроятно де, чтобы форма женскаго рода къ *svōtas* была образована посредствомъ другого суффикса, чѣмъ подобныя же по значенію формы къ *beñdras*, *viłkas* и др. Въ дѣйствительности же этотъ аргументъ лишенъ всякой доказательной силы: какъ лит. *svōtas* восходитъ къ слав. свать, такъ и соотвѣтствующая ему форма женскаго рода *svočià*¹⁾ представляетъ собою заимствование изъ славянскихъ языковъ, ср. бѣлор. сваця.

Далѣе Зоммеръ приводитъ въ пользу своего взгляда нѣкоторыя особенности склоненія литовскихъ прилагательныхъ типа *didė* «большая», полагая, что наприм. въ соотношеніи *nom. s. didė: gen. s. didžiōs* сохранилось старое чередование *-ē* (изъ *-iā*) и *-iā*.

Но при объясненіи парадигмы *didė* можно обойтись безъ теоріи Зоммера. Формы женскаго рода согласованы съ соотвѣтствующими формами мужскаго рода: такъ какъ литовскимъ формамъ муж. рода *nom. s.* на *-is* (наприм. *sėnis* «старикъ») вообще соотвѣтствуютъ формы жен. рода на *-ė* (наприм. *sėnė* «старуха»), то совершенно понятно, что при *didis* «большой» находимъ *didė* (а не *didžià*) «большая», а при *gen. s. didžio* «большого»—форму женск. рода *didžiōs* (вмѣсто *didės*), какъ наприм. *gen. s. tuščiōs* (къ *tuščià* «пустая») при *tuščio* (къ *tuščias*). Подобно этому имѣемъ также *acc. s. didę* «большую» (вмѣсто ожидаемаго согласно теоріи Зоммера *didžia*) при формѣ муж. рода *didį* (какъ наприм., *sėnę* «старуху» при *sėnį* «старика»). И такъ же въ *acc. pl.* при формѣ муж. рода *didžiūs* находимъ форму женск. рода *didžiàs*. Если же Зоммеръ l. c. 289 заявляетъ, что послѣднюю форму онъ встрѣтилъ только въ учеб-

1) О значеніи этого слова см. *Ožkabalių dainos* II, стр. 22 сл.

никъ Voelkel'я, то дѣло въ томъ, что онъ недостаточно знакомъ съ литовскими текстами¹⁾, даже съ такими, которые изданы въ самой Германіи. Форму асс. pl. *didžiàs* можно найти также у Ширвида (наприм. Lit. u. lett. Drucke IV 13, 4) и Виллента (наприм. тамъ же III 13, 28), въ изданныхъ А. Юшкевичемъ „Lietuviškos dainos“ (наприм. стр. 224) и, навѣрно, еще въ другихъ мѣстахъ. А съ другой стороны, сколько же примѣровъ даетъ Зоммеръ для побочной формы *didès*? Не больше одиннадцати или двѣнадцати примѣровъ (на стр. 288 сл. и 292 сл.)! Да и эти примѣры, взятые изъ трудовъ Даукши, постиллы 1600 г., катихизиса 1598 г., Litauische Märchen Юркшата, текста на ширвинтскомъ говорѣ въ хрестоматіи Шлейхера, Psalmai Dovidio 1910 г., Naujas Testamentas 1909 г. и нѣмецко-литовскаго словаря Куршата, ничего не доказываютъ въ данномъ вопросѣ. У Даукши, какъ замѣтилъ самъ Зоммеръ, мы находимъ *é* или его измѣненія вообще во всѣхъ тѣхъ падежахъ прилагательнаго *didé*, въ которыхъ другіе говоры знаютъ рефлексъ *-jā-* послѣ второго *d*, то есть, находимъ тутъ полное обобщеніе гласнаго *é* въ *didé*. И также въ постиллѣ 1600 г., катихизисѣ 1598 г., въ Psalmai Dovidio 1910 г. и въ Naujas Testam. 1909 г., какъ указано самимъ Зоммеромъ, рядомъ съ асс. pl. *didès* встрѣчаемъ также другія формы съ *é*, наприм. gen. s. *didès*. А въ литовскихъ сказкахъ Юркшата, изъ которыхъ Зоммеръ разсмотрѣлъ лишь тѣ немногія (!), которыя помѣщены въ литовской хрестоматіи Вольтера, я, перелистывая все изданіе Юркшата, рядомъ съ встрѣчающимся всего одинъ разъ асс. pl. *didès*, не находилъ ни одной падежной формы этого (неопредѣленнаго) прилагательнаго съ рефлексомъ *-jā-* во второмъ слогѣ, такъ что ничто намъ не мѣшаетъ предположить обобщеніе *-é-* также въ говорѣ Юркшата. То же самое слѣдуетъ сказать о вышеупомянутомъ ширвинтскомъ текстѣ. Что же касается Куршата, то у него рядомъ, наприм., съ gen. s. *didžiōs* встрѣчаемъ не только асс. pl. *didès*, но—вопреки ожиданію Зоммера—также instr. s. *didè* (въ его грамматикѣ § 777) и кромѣ того instr. pl. masc. gen. *dideīs* (въ грамматикѣ § 757). Такъ какъ это *dideīs* можетъ быть только сѣверо-западно-литовскимъ (или ниже-литовскимъ) соотвѣтствіемъ верхне-литовскому *didžiaīs*, то естественнѣе всего считать также instr. s. *didè* и асс. pl. *didès* у Куршата (при gen. s. *didžiōs*!) сѣверо-западно-литовскими соотвѣтствіями верхне-литовскимъ *didžià* и *didžiàs*; вѣдь, въ сѣверозападно-литовскомъ нарѣчьи на мѣстѣ прабалтійскихъ сочетаній *-dja-* (и

¹⁾ Такъ же, конечно, и съ научной литературой о балтійскихъ языкахъ.

сократившагося -dĵā-) и -dĵai- находимъ именно -de- и -dei- (или -dē-). Во всякомъ случаѣ, такъ какъ у Куршата находимъ и instr. s. въ видѣ didē, то и его acc. pl. didēs несколько не говоритъ въ пользу гипотезы Зоммера. Опреѣленная же форма nom. s. didžibji (на которую тоже ссылается Зоммеръ) при неопреѣленномъ didē столь же мало доказываетъ возникновение -é изъ -jā, какъ, наприм., опреѣленная форма saldžibji «сладкая» (при неопреѣленномъ saldi)—возникновение на балтійской почвѣ -i въ saldi изъ такого же -jā.—Да и вообще было бы нѣсколько странно, если бы предполагаемое Зоммеромъ чередование -ē- и -jā- сохранилось именно въ склоненіи прилагательныхъ, а не существительныхъ. Вѣдь, какъ разъ имя прилагательное, часто являясь опреѣленіемъ существительнаго и такимъ образомъ занимая менѣе самостоятельное положеніе въ предложеніи, въ связи именно съ этимъ обстоятельствомъ легче существительнаго утрачиваетъ старыя формы склоненія. И вслѣдствіе этого склоненіе прилагательныхъ въ индо-европейскихъ языкахъ теперь уже представляетъ большее однообразие¹⁾, чѣмъ склоненіе существительныхъ. Такъ, наприм., въ латышскомъ языкѣ болѣе не находимъ прилагательныхъ типа лит. didē (вмѣсто *dide тамъ находимъ теперь diža),²⁾ между тѣмъ какъ существительныя тамъ сохранили основы на -(j)ē. И если въ литовскомъ до сихъ поръ сохранились типы склоненія marti «невѣста»: gen. s. marčios и motė «жена»: gen. s. moter(e)s, то ожидалось бы также сохраненіе предполагаемаго Зоммеромъ склоненія žėmė: gen. s. *žemios и т. д. Ссылается онъ на стр. 10, 84 и 97, правда, также на заявленіе Куршата въ его литовско-нѣмецкомъ словарѣ подъ avėčios «Himbeeren»: «die einzelne Himbeere heisst avėtė, -ės», уматривая тутъ еще старое чередование nom. s. на -é съ nom. pl. на -ios. Но въ нѣмецко-литовскомъ словарѣ Куршата говорится, что aviėčios имя собирательное, обозначающее подобно р. малина и само растеніе rubus idaeus и его ягоды, тогда какъ отдѣльная малинка называется aviėčių ūoga, aviečià и также (sic!) aviėtė. И словари Юшкевича и Межиниса даютъ только форму avietė «малина» (у Ю. также nom. pl. avietės); acc. pl. avietes «малину (=ягоды)» читаемъ Ožkabilių dainos II, стр. 28, acc. s. avietė (въ значеніи: малиновый кустъ) въ Lietuviškos dainos A. Юшкевича

¹⁾ Относительно латышскаго языка это признаетъ и самъ Зоммеръ въ Handb. der lat. Laut- u. Formenl. ²⁾, стр. 339.

²⁾ Старый instr. pl. fem. gen. такихъ прилагательныхъ, вѣроятно, сохранился въ видѣ нарѣчій вроде діал. gaġēm „мимо“ (рядомъ съ gaġām къ прилагат. gaġš „длинный“).

№ 48 и gen. s. *aviētēs* (въ томъ же значеніи) *ibid.* № 320. Изъ всего этого можно вывести только то заключеніе, что въ литовскомъ употребляются рядомъ двѣ синонимныя основы *aviētē-aviēšio-*, подобно тому какъ и въ латышскомъ находимъ рядомъ *nom. pl. *avietes*¹⁾ (отсюда *aviētenes Rakstu krājums XV 71* или *aviētenes* Сборн. Отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н. LXVII, № 3, стр. 12, подъ вліяніемъ *zemenes* «земляника», *meļļenes* «черника», *brūklenes* «брусника» и др.) и *aviešas* (у Зоммера, стр. 108), ср. также лит. *kaltē* рядомъ съ синонимнымъ *kalčiā* «вина» и др. Тому подобныя дублеты Зоммеръ на стр. 83 сл. считаетъ новымъ аргументомъ въ пользу того, что когда-то въ одной и той же парадигмѣ *-ē* чередовалось съ *-jā*. Но соглашаясь тутъ съ Зоммеромъ, съ такимъ же правомъ можно бы было утверждать, что когда-то въ одной и той же парадигмѣ *-ē* чередовалось также съ *-ā*: вѣдь, въ балтійскихъ языкахъ весьма часто рядомъ съ именными основами на *-ā* находимъ синонимныя основы на *-(j)ē*, ср. наприм. лит. *láiṃa*, лтш. *laīṃa* при лит. *láiṃe*, лтш. *laīṃe* «счастье» (нѣсколько другихъ примѣровъ у Беценбергера *Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr.* 96 сл., Буги *Aistiški Studijai* 60 сл., въ латышскомъ *Rakstu krājums XVII 139* и у Мюленбаха въ нашей *Latweeschu gramatika*, стр. 96 сл.).

Наконецъ, Зоммеръ ссылается на распредѣленіе *-ē* и *-jā* послѣ отдѣльныхъ звуковъ. Вѣрно то (стр. 20 сл.), что послѣ гласныхъ и дугласныхъ въ балтійскихъ именныхъ основахъ первоначально находимъ только *-jā*, а не *-jē*²⁾, но изъ этого не слѣдуетъ, что *-ē* послѣ согласныхъ въ этихъ основахъ возникло изъ *-jā*. Вѣдь, также въ литовско-латышскихъ основахъ прошедшаго времени послѣ *j* встрѣчаемъ только *-ā-*, а не *-ē-* (см. *KZ XLIII 31*), изъ чего однако не слѣдуетъ, чтобы въ другихъ основахъ прош. времени *-ē-* возникло изъ *-ā-*. Утвержденіе же Зоммера (стр. 42 сл.), будто также послѣ сочетаній краткихъ гласныхъ съ *l*, *r* или *n* въ двусложныхъ именныхъ основахъ въ видѣ правила слѣдуетъ только *-jā*, а не *-ē*, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Нѣсколько противорѣчающихъ его правилу примѣровъ приводитъ

1) Въмѣсто **avietes* диалектически также **avieses* (откуда *aviesenes* въ Вольмарѣ) на основаніи *aviešu* (—лит. *aviešiū*) *uoga*: полагали, что *-š-* въ *aviešu* получило изъ *-sj-*: ср. лтш. *nom. s. kviesis* вм. **kvietis* (—лит. *kvietys*) на основаніи *nom. pl. kvieši* (=лит. *kviečiai*) „пшеница“.

2) Приведенное Зоммеромъ 33 и 42 лтш. *māsije* „сестрица“ не изъ **māsija* (какъ полагаетъ Зоммеръ), но представляетъ собою — въ качествѣ зват. падежа — диалектическую форму *vos. s. māsī[n]* къ *nom. s. māsina* „сестрица“ + обычный въ народныхъ пѣсняхъ приставочный гласный *-e*.

уже самъ Зоммеръ на стр. 59 слл.: лит. *karė* «война», *gile* или *gilė* «желудь», *š(i) ūrės* «хвоць», *būrė* «овца (по Юшкевичу); цвѣточная сережка на березѣ» (по Куршату; ср. р. „вербовые барашки“), *būrė* „парусь“, *velė* „душа умершаго“, *kālė* „сука“, *pelė* и лтш. *pele* „мышь“ (ср. также пр. *pele-maugis* „*falco tinnunculus*“, *pele* „*falco milvus*“ и *peles* „локотная мышца“), *silė* и лтш. *sile* „корыто“, *agė* „запашка“, лтш. *age* „пашня“, *beres* „Kornabgabe“, *bires* или *pires* „овечій калъ“, *dures* „колотье въ боку“, *kure* „тонка“, *renes* „ледяныя сосульки“, *pile* „капля“, *plene* „колтунъ“, *vare* „сила“. И къ нимъ могу прибавить еще слѣдующія формы: лит. *šūlė* „бочка“ (у Буги Aist. Stud. I 29), лтш. *bene* „шапка для мальчиковъ“ Etnograf. ziņas par latv. II 81 (также Rakstu krāj. XV 107), *kale* „сумка“ ibid. IV 50 и Rakstu krājums XV 117, *ceres* „благоговѣнне“ Rakstu krājums XVI 19 (тутъ приводится и фраза съ instr. pl. *cerēm*), *grene* „коровій пометь“ ibid. XV 114, *pane* „навозная жижа“ ibid. XV 129 и XVII 71 (въ родствѣ съ пр. *pannean* „Moosbruch“ и др., см. *Būga Roczn. Slaw. VI 37* и Trautmann Die altpr. Sprachd. 389 подъ *pannean*), *pere* „насыдка“ ibid. XV 130, *sane* (особая порода мухъ) ibid. XV 134, *tele* „телка“, *ule* „ступица въ колесѣ“ ibid. XVII 37. Приводя вышеупомянутыя примѣры, Зоммеръ, правда, пытается обезцѣнить ихъ значеніе. Въмѣсто лит. *karė*, на которое указываютъ приведенныя у него на стр. 59 и у Лескина Die Bild. d. Nom. im Lit. 121 падежныя формы, и которое точно соотвѣтствовало бы восточнолатышскому *karė* „война“ (въ Каунатѣ), онъ признаетъ только *karià*, въ пользу котораго онъ однако можетъ привести (изъ вышеупомянутаго труда Лескина) только асс. pl. *karias* (встрѣченное Лескиномъ въ текстахъ всего одинъ разъ), а вѣдь написаніе *karias* можно читать и какъ *karès*, т. е. асс. pl. къ *karė*.—Въ пользу формы **gilia* „желудь“ Зоммеръ приводитъ только написаніе *gilia* (рядомъ съ *gile*) и instr. pl. *giliomis* въ нѣм.-лит. словарѣ Куршата, но въ старой основѣ на -*jā* удареніе въ пом. s. падало бы на второй слогъ (**gilia*), такъ что написаніе *gilia* представляетъ собою въ дѣйствительности форму *gile* < *gilė*. И въ—вышедшемъ позже—лит.-нѣм. словарѣ Куршатъ даетъ уже форму *gilė*, и также во второмъ выпускѣ словаря Юшкевича, вышедшемъ подъ редакціей И. Яблонскаго, отличнаго знатока своего роднаго языка, на стр. 704 читаемъ только *gilė* или *gilė*, но не **gilia*. Конечно, не исключена возможность объяснять съ Зоммеромъ (стр. 60) это *gilė* такъ или иначе какъ новообразование (то же можно сказать и объ instr. pl. *giliomis*!); но для того, чтобы

считать новообразованіемъ именно *gilé* (засвидѣтельствованное несравненно лучше, чѣмъ *gilia*), а не *gilia*, прежде всего надо было доказать, что фонетически возможна только форма *gilia*, между тѣмъ какъ въ теперешнемъ видѣ аргументація Зоммера— простой *circulus vitiosus*.— Не убѣдительно и то, что говорится на стр. 63 о мнимомъ заимствованіи (изъ нѣм. языка) лит. *š(i) ūrēs*, ср. лит. *šurti* „становиться шереховатымъ“ (у Микуцкаго въ старыхъ Извѣст. отд. р. яз. и слов. И. А. Н. III 367) и *šiurgždūs* „шереховатый“; нѣм. же Scheuer-, къ которому Зоммеръ возводитъ лит. *š(i) ūrēs*, отражается въ литовскомъ въ видѣ *šiūr-* (съ *ū!*), ср. *šiūrŭoti* „scheuern“.— За лит. *būrē* „цвѣточная сережка“ Зоммеръ (на стр. 63) не признаетъ никакой доказательной силы на томъ основаніи, что оно ему извѣстно только изъ словаря Куршата; но оно повидимому тождественно съ *būrē* „овца“ (у Юшкевича). О послѣднемъ Зоммеръ говоритъ на стр. 377, что оно „erst aus dem Lockruf *būr-būr* gebildet“; допустимъ, что это такъ, но почему же все-таки *būrē*, а не **burgiā?*— Лит. *būrē* „парусъ“ (у Юшкевича 252 и 709 подъ *gōlas*; въ латышскомъ также *burās* *Rakstu krājums* XVI 204²) Зоммеръ на стр. 181 и 377 считаетъ заимствованіемъ изъ финскихъ языковъ, ср. эст. *purje*, тогда какъ Thomsen Beröninger 163 скорѣе склоненъ считать финское слово заимствованнымъ изъ балтійскихъ языковъ. Указаніе на то, что данное слово въ финскихъ языкахъ теперь употребительнѣе, чѣмъ въ балтійскомъ, существеннаго значенія, разумѣется, не имѣетъ; а другихъ аргументовъ въ пользу своего мнѣнія Зоммеръ не приводитъ. Весьма странно при этомъ его утвержденіе, будто въ индо-европейскихъ языкахъ нѣтъ родственныхъ съ лит. *būrē* (и лтш. *burās* или *burves*) словъ. Но что же онъ можетъ возразить на замалчиваемое имъ сопоставленіе этого балтійскаго слова съ гр. *ψᾶρος* или *ψᾶρος* (вѣроятно, изъ *ψᾶρρος*) „парусъ“, которое находимъ у Вецценбергера *BB I 244*¹, *Prellwitz'a Etymol. Wörterb. d. griech. Spr.*² 482 сл., *Lidén'a Studien zur altind. u. vergl. Sprachgesch.* 10³ и 24, *Brugmann'a Kurze vergl. Gramm.* 134 и *Буги Aist. Stud.* I 168?— Лит. *velē* Зоммеръ на стр. 64 и 378 склоненъ считать неправильнымъ написаніемъ вмѣсто *velē*, но см. теперь *Leskien IF XXXIV 333* сл. и *Būga Roczn. Slaw.* VI 23 сл. Скорѣе можно бы считать лит. *velēs* за возникшую рядомъ съ *veliaī* (= лтш. *vel'i*) форму женскаго рода,— какъ и лтш. *tele* „телка“ при *tel'š* „теленокъ“,— если бы Зоммеровскій „законъ“ можно было признать уже доказаннымъ. Только при этомъ условіи можно бы согласиться также съ тѣмъ, что говоритъ Зоммеръ на стр. 65 о лит. *kālē*,

на стр. 63 и 65 о лит. *sīlē* и лтш. *sīle* и, пожалуй, также съ тѣмъ, что сказано на стр. 66 о лтш. *piļe* и на стр. 71 объ общепалт. **reļē* „мышь“. О послѣднемъ Зоммеръ утверждаетъ, будто это—возникшее, повидимому, еще въ прабалтійскую эпоху—существительное женскаго рода относится такъ же къ прабалт. **reļjas* „сѣрый“ (=гр. *πελός*, „темно-синій“), какъ наприм. лит. *sēnė* „старуха“ къ *sėnas* „старый“. Не скажу, чтобы такое объясненіе было совершенно невозможно; но сомнительнымъ оно мнѣ кажется въ виду лит. *reļėkas* и лтш. *reļėks* „сѣрый“: это прилагательное—съ его непродуктивнымъ въ балтійскихъ языкахъ суффиксомъ—скорѣе предполагаетъ существованіе еще до прабалтійской эпохи основы **reļ(j)ē*, между тѣмъ какъ согласно Зоммеру форма **reļē* „мышь“ могла возникнуть (вмѣсто **reļjā*) лишь послѣ того, какъ уже существовали новообразованія въ родѣ **senė* „старуха“ (вмѣсто предполагаемаго Зоммеромъ **senjā*). На значительную древность основы **reļ(j)ē* указываютъ также ея значенія въ прусскомъ языкѣ и безслѣдное исчезновеніе старой основы *mūs-* „мышь“ въ балтійскихъ языкахъ.—Лит. агѣ Зоммеръ на стр. 377 считаетъ видоизмѣненіемъ болѣе древняго *ōrē* подѣ влияніемъ глагола *ārti* „пахать“; но лит. агѣ вполнѣ совпадаетъ съ лтш. *are*, рядомъ съ которымъ никакого **āre* (=лит. *ōrē*) не знаемъ. О лтш. *are*, *beres*, *bires*, *pires*, *duges*, *kure*, *renes* и *plene* Зоммеръ на стр. 67 сл. заявляетъ (ссылаясь при этомъ на Биленштейна и Лескина), что онъ ихъ знаетъ только изъ словарей и только въ формѣ именит. падежа, такъ что ихъ окончаніе *-e(s)*, можетъ быть, въ дѣйствительности представляетъ собою исходъ *-a(s)*. Тутъ имѣется въ виду сказанное Биленштейномъ *Die lettische Sprache* II 42: „in der schnellen Sprache des täglichen Lebens das Schluss-*a* abgeschwächt als *e* dem Ohre erscheint“. Это замѣчаніе было бы правильно, если бы передъ *Ohre* было вставлено слово *deutschen*. Дѣло въ томъ, что въ латышскомъ конечные гласные—особенно послѣ глухихъ согласныхъ—произносятся вполголоса или даже совсѣмъ безъ голоса, но только нѣмцамъ, привыкшимъ къ конечному *-e* своего родного языка, а не самимъ латышамъ можетъ казаться, будто этимологическое *-a(s)* теперь произносится какъ *-e(s)*. Итакъ, въ текстахъ, записанныхъ самими латышами, не смѣшиваются¹⁾ формы имен. п. на *-a(s)* и *-e(s)*; и вышеупомянутыя формы *bene*, *kale*, *grene*, *pane*, *pere*, *sane* и *ule* записаны именно латышами. А что

1) Ошибочно поэтому мнѣніе Зоммера на стр. 125, будто лтш. суффиксъ *-ūža* (извѣстный мнѣ изъ лифляндскихъ говоровъ) въ дѣйствительности произносится какъ *-ūžə* (sic!) и въ такомъ видѣ восходитъ къ лит. *-ūžė*.

до аге, то въ словарѣ Ульмана подѣ ага, аге приводится и instr. pl. agēm, такъ что нельзя сомнѣваться въ существованіи формы аге. То же относится къ kure (ср. loc. s. pus-kurē у Ульмана подѣ kure) и plene (это слово приводится Rakstu krājums XV 131 изъ Мариенбурга въ значеніи: пасмо, мотокъ). Слова же beres, bires, pires, dures и penes я, правда, сейчасъ могу привести только изъ словарей (и только въ формѣ имен. п.), но не вижу никакого основанія сомнѣваться въ ихъ существованіи. А форму vage читаемъ не только въ словарѣ Ульмана подѣ vага (гдѣ приводится и instr. pl. vagēm), но также Rakstu krājums XVII 139.

Итакъ, цѣлый рядъ формъ на -е противорѣчитъ гипотезѣ Зоммера. Есть, правда, среди нихъ и этимологически неясныя слова въ родѣ лтш. bene или grene; но вѣдь и Зоммеръ въ числѣ основъ на -jā приводитъ слова въ родѣ лтш. kгаіа „старая кляча“ на стр. 47 или skriīa „лужа“ на стр. 49, происхожденіе которыхъ тоже не выяснено. Затѣмъ есть еще формы типа лит. sēnė „старуха“; ихъ свидѣтельство Зоммеръ на стр. 60 устраняетъ заявленіемъ, что это—новообразованія, возникшія подѣ влияніемъ формъ типа лит. āklė „слѣпень“ (къ āklas „слѣпой“). Допустимъ, что это такъ; но съ другой стороны можно вѣдь также заподозрить доказательную силу приведенныхъ Зоммеромъ на стр. 42 слл. въ числѣ основъ на jā отглагольныхъ существительныхъ типа лит. žinià, лтш. ziīa „(с)вѣдѣніе, вѣсть“ и лтш. tiīa „ein Mensch, der überall anzutreffen ist“ предположеніемъ, что это—новообразованія, возникшія подѣ влияніемъ формъ типа лит. munià „память“ или лтш. sēža „сидѣніе“ и лит. ēdžia „тунеядецъ“ или лтш. glemža „болтунъ“¹⁾, если допустить, что именно послѣднія формы закономѣрны. Самъ Зоммеръ—совершенно произвольно—полагаетъ (см. наприм. стр. 109 подѣ kreša и стр. 185 подѣ munià) наоборотъ, что наприм. лит. munià возникло (вмѣсто *munė) подѣ влияніемъ формы *minià (=лтш. miīa „вспоминаніе“). Итакъ, если подобно словамъ типа лит. sēnė оставить въ сторонѣ также продуктивный—и поэтому въ данномъ вопросѣ не доказательный—классъ словъ типа лит. žinià, лтш. ziīa и лтш. tiīa, то изъ приведенныхъ Зоммеромъ на стр. 42 слл. примѣровъ остаются лишь слѣдующія слова: лит. dalià, лтш. daļa „доля“, лит. valià, лтш. vala „воля“, лит. marios (при mārės!) „заливъ“, girià, лтш. dzirā

¹⁾ Суффиксъ -jā для образованія тому подобныхъ отглагольныхъ существительныхъ еще продуктивенъ въ литовско-латышскомъ, см. Leskien Die Bild. d. Nomina im Lit. 161 слл.

(Magazin VIII, № 196) „лѣсъ“, лтш. gal'a „мясо“, ka'а „рычагъ“, краіа „старая кляча“, раіас „сыворотка отъ масла“, куіа „сука“, ul'a (при ule) „ступица въ колесѣ“, skriіа „лука“; значить, число доказательныхъ примѣровъ типа лит. giriā даже не больше числа словъ типа лит. gilė.

Относительно—немногочисленныхъ—формъ типа лит. žė mė, лтш. zeme, пр. semmė „земля“, т. е. такихъ формъ, гдѣ старому -jā предшествовало сочетаніе краткаго корневого гласнаго съ -m-, Зоммеръ на стр. 71 сл. и 78 слл. полагаетъ, что послѣ -m- старое -jā въ концѣ концовъ чисто фонетически измѣнилось въ -ė. Исключеніемъ изъ этого правила было бы только лтш. skumjas „печаль“; да и послѣ остальныхъ губныхъ (v, b, p) мы находимъ—по крайней мѣрѣ, въ литовско-латышскомъ—только -ė, а не -jā. Но (и это относится также ко всѣмъ остальнымъ основамъ на -ė) Зоммеръ предполагаетъ вѣдь фонетическій переходъ -jā въ -ė только въ пом. s. и асс. pl.; и если тѣмъ не менѣе въ словахъ, употребляемыхъ только или почти только въ единств. числѣ (напр. лтш. nāve „смерть“, dzīve „жизнь“, лит. senātė „глубокая старость“, sunkūbė „тяжесть“ и др.), ė изъ одного лишь пом. s. могло въ послѣдствіи быть обобщено во всѣхъ падежахъ (ед. ч.) этихъ словъ, то тѣмъ болѣе ожидалось бы обобщеніе -jā въ pluralia tantum, гдѣ по мнѣнію Зоммера только въ асс. pl. jā перешло въ ė. Итакъ, какъ же въ такомъ случаѣ Зоммеръ намъ объяснить возникновеніе употребительныхъ только во множ. ч. формъ въ родѣ лит. glėmės „слизь“, лтш. slāpes „жажда“, krēpes „грива“ и др.? Вѣдь, если въ singularia tantum одинъ лишь пом. s. смогъ получить перевѣсъ надъ всѣми остальными падежами (см. стр. 87 у Зоммера), то отчего же въ pluralia tantum -jā-, бывшее не только въ пом., но также въ dat., instr. и loc., вытѣснено черезъ -ė-, возникшее фонетически только въ асс.?¹⁾ Отвѣта на этотъ вопросъ у Зоммера не находимъ, и поэтому слова въ родѣ лит. glėmės или лтш. slāpes можемъ считать новымъ аргументомъ противъ его гипотезы.

Что же касается всѣхъ остальныхъ сюда относящихся основъ, гдѣ по мнѣнію Зоммера первоначально въ одной и той же парадигмѣ чередовалось ė и jā, то Зоммеръ на стр. 87 и 369 слл. полагаетъ, что по большей части было обобщено ė, а—jā (да и то лишь частично!) только въ тѣхъ словахъ, гдѣ видоизмѣненіе сочетанія согласнаго съ ė (передъ ā) фонетически сильно отлича-

¹⁾ Что вообще -jā- сохранялось также послѣ губныхъ, показываютъ глаголы въ родѣ лит. láipioti „лазить“, at-káipioti, „получить обратно“ и др.

лось отъ соотвѣтствующаго согласнаго передъ *ē* (изъ *iā*). Также это положеніе и само по себѣ неприемлемо. Тутъ прежде всего возникаетъ вопросъ о времени предполагаемыхъ Зоммеромъ обобщеній. Съ одной стороны онъ, какъ выше указано, находитъ старое чередованіе *ē* и *jā* еще въ лит. nom. s. *aviētē*: nom. pl. *aviēčios* и nom. s. *didē*: gen. s. *didžiōs*; на стр. 89 сл. онъ говоритъ, что въ процесѣ устраниенія этого стараго чередованія отражаются фонетическія различія между отдѣльными балтійскими языками. Если это такъ, то обобщеніе *ē* или *jā* относится къ эпохѣ послѣ распаденія литовско-латышскаго праязыка. А съ другой стороны, цѣлый рядъ совпадающихъ формъ въ родѣ лит. *bītē*, лтш. *bite*, пр. *bitte* „пчела“, лит. *rỹkštē*, лтш. *rī(k)ste*, пр. *riste* „роза“, лит. *sáulė*, лтш. *saule*, пр. *saule* „солнце“ и др. какъ бы указываетъ на обобщеніе *ē* (или *jā*) еще въ прабалтійскую эпоху, такъ какъ трудно считать такія совпаденія простой случайностью, и это признаетъ и самъ Зоммеръ на стр. 89 сл. Изъ возникающей такимъ образомъ хронологической дилеммы Зоммеръ пытается выйти предположеніемъ, что въ однихъ словахъ обобщеніе произошло еще въ прабалтійскую эпоху, въ другихъ же— только послѣ распаденія литовско-латышскаго праязыка. Но почему наприм. въ словѣ **bītē* обобщеніе произошло еще въ прабалтійскомъ, тогда какъ въ парадигмѣ лит. *aviētē* по мнѣнію Зоммера до сихъ поръ сохранилось старое чередованіе *ē* и *jā*, этого онъ намъ не объясняетъ, да и не смогъ бы объяснить. И этимъ наши возраженія не могутъ ограничиться. На стр. 88 и 370 Зоммеръ полагаетъ, что въ случаяхъ чередованія *ē* и *jā* въ положеніи послѣ *l*, *r*, *n* обыкновенно потомъ обобщалось *ē*, такъ какъ де въ такихъ случаяхъ во всѣхъ падежахъ передъ конечнымъ гласнымъ основы произносился одинъ и тотъ же (смягченный) согласный. Но, во-первыхъ, есть исключенія, бѣольшую часть¹⁾ которыхъ самъ Зоммеръ приводитъ на стр. 182 слл. и 208 слл., такъ или иначе умаляя ихъ значеніе, но далеко не вездѣ удачно.²⁾ Вѣрно то, что наприм.

¹⁾ Можно къ нимъ прибавить наприм. лтш. *mīkīna* „мягкая погода“ *Rakstu kraļums* XVI 35, *mēl'as* „дурная молва“ XV 126.

²⁾ Крайне сомнительно, напримѣръ, предположеніе на стр. 189, будто лтш. *blēnas* „взоръ“, *dūnas* „грязь“, *rēl'na* „заработокъ“ и др. восходятъ къ старымъ основамъ на *-ni*, или то (стр. 196), будто латышскія существительныя на *-uōna* въ родѣ *tīruōna* „оцѣпенѣніе“ по своему происхожденію—прилагательныя: въ приведенномъ у Зоммера l. c. въ видѣ доказательства сочетаніи *sutuōna zeme* форма *sutuōna* не nom. s. прилагательнаго, но gen. s. существительнаго *sutuōnis*, ср. однозначащее *sutuōnu* (gen. pl.) *zeme* въ словарѣ Ульмана. Неубѣдительны также его разсужденія на стр. 210 сл. о латышскихъ существительныхъ на *-l'a* (въ родѣ *ietal'a* „ятровъ“) и *-u'l'a*.

трехсложныя основы на *-ē* гораздо чаще въ балтійскихъ языкахъ, чѣмъ трехсложныя основы на *-jā*, но и изъ этого не слѣдуетъ, чтобы *-ē* тутъ получилось изъ *-jā*: съ одной стороны, Зоммеромъ не доказано полное тожество значеній этихъ двухъ суффиксовъ, а съ другой стороны можно напомнить, что въ литовскомъ находимъ, напримѣръ, трехсложныя основы на *-ju* при полномъ отсутствіи трехсложныхъ основъ на *u* (слѣдуетъ ли изъ этого, что *-ju* тутъ возникло изъ *-u*?). А затѣмъ совершенно неосновательно предположеніе (на стр. 88), будто еще въ прабалтійскую эпоху *l* (и *n*, *r*) передъ *e* и *i* смягчалось. И характерно для Зоммера, что онъ, ничѣмъ не доказывая этого предположенія, преподноситъ его читателямъ въ видѣ общепризнанной истины. Въ дѣйствительности же и теперь еще въ латышскомъ передъ *e* и *i* произносятся несмягченныя *l*, *r*, *n* за исключеніемъ инфлянтскихъ говоровъ, гдѣ замѣтно сильное вліяніе русскаго и польскаго языковъ; и нѣтъ также смягченія *l*, *r* и *n* передъ *e* и *i* въ наиболѣе свободныхъ отъ славянскаго вліянія сѣверо-западныхъ говорахъ литовскаго языка, см. Schleicher Lit. Gramm., стр. 19, Jaunis Liet. kalbos gram. 24 и Kurschat Gramm. § 88. И на то, что тамъ старое смягченіе утрачено, нѣтъ ровно никакихъ указаній. Столь же произвольно предположеніе на стр. 90, будто уже въ прабалтійскую эпоху die Differenz zwischen „hartem“ und „weichem“ *t*, *d* usw. была больше, als bei *l*, *n* usw., такъ какъ объ этомъ ничего не знаемъ. На пр. eristian „ягненокъ“, median „лѣсъ“ и др. тутъ, конечно, не настаиваю: не исключена вѣдь возможность, что и въ прусскомъ, какъ въ жемайтскомъ, при начальномъ *ē*-, *dž*- (изъ *tj*-, *dj*-) внутри слова имѣлось *-tj*-, *-dj*- (можетъ быть, со смягченными *t*, *d*); въ пользу этого говорило бы пр. *š*- (изъ *sj*-) при *-sj*- внутри слова, см. мои Славяно-балт. этюды, стр. 65 слл.—Литовскимъ смягченнымъ *s*, *š*, *ž*, какъ извѣстно, въ латышскомъ соотвѣтствуютъ *š* (изъ *sj*) и *ž* (изъ *zj*), такъ что сочетанія свистящихъ (и шипящихъ) съ *j* въ латышскомъ измѣнились сильнѣе, чѣмъ въ литовскомъ. На этомъ основаніи Зоммеръ на стр. 121 полагаетъ, что въ латышскомъ рядомъ съ существительными на *-se*, *-ze* можно ожидать также существительныхъ на *-ša* (изъ *-sjā*) и *-ža* (изъ *-zjā*), тогда какъ для литовскаго языка ожидалось бы только или почти только формы на *-sė*, *-šė*, *žė*. Но, если изъ латышскихъ примѣровъ, приведенныхъ Зоммеромъ на стр. 122 слл., оставимъ въ сторонѣ¹⁾ всѣ отглагольныя существительныя продуктивнаго типа, представлен-

¹⁾ Такъ вѣдь и самъ Зоммеръ на стр. 140 сл. устраняетъ литовскія отглагольныя существительныя этого типа.

наго напр. формами *aiz-mārša* и *glēmža*, то число латышских именъ на *-ša*, *-ža* или вовсе не больше или только немного больше, чѣмъ число литовскихъ именъ на *-sia*, *-šia*, *-žia*, причеиъ находимъ даже совпаденія въ родѣ лтш. *dvaša*, лит. *dvasià* „дыханье“, лтш. *muša*, лит. *musià* „муха“ (у Буги Р. Ф. В. LXXII 193 и Niemi ir Sabaliauskas Lietuvių dainos, № 188), лтш. *eža*, лит. *ežià* „межа“ и лит. *kr(i)áušios*, пр. *sgausios* „груши“. Последнее слово Зоммеръ на стр. 138—подобно Бернекеру—считаетъ заимствованнымъ, ссылаясь главнымъ образомъ на колебаніе между *kr-* (въ лит. *kr(i)áušios*, болг. круша и др.) и *gr-* (въ р. груша и др.). Это колебаніе само по себѣ, разумѣется, нисколько не указываетъ на заимствование даннаго слова, такъ какъ въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ часто встрѣчаемъ тому подобное колебаніе между звонкими и глухими взрывными, на что уже неоднократно указывалось въ научной литературѣ, см. наприм. Bezenberger Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 85 сл., Geitler Lit. Studien 53 сл., Буга Р. Ф. В. LXX 249 и LXXI 52, Wiedemann Handb. d. lit. Spr. 25 сл., Trautmann Die altpr. Sprachd. и KZ XLIV 223, Brückner Litū-slav. Stud. I 54 сл. и 56 слл., AfslPh. XXIX 119, IF XXIII 217, KZ XLII 354, XLIII 320 слл. и XLV 39 слл., Oštir AfslPh. XXXVI 442, Rozwadowski Język polski i jego historia I 421. Но если и допустимъ, что данное слово заимствовано, то это заимствование—въ виду фонетическаго соответствія между балтійскими и славянскими формами—все-равно относится еще къ эпохѣ балтійско-славянскои; и поэтому лит. *kr(i)áušios* во всякомъ случаѣ противорѣчитъ предположеніямъ Зоммера.—Что же касается лит. *ežià*, то его отчаянная попытка на стр. 156 такъ или иначе обезцѣнить значеніе этой формы весьма трогательна, но отнюдь не убѣдительно.—А по поводу лит. *dvasià* и *musià* Зоммеръ на стр. 152 склоненъ думать, что когда-то раньше въ литовскомъ „сочетаніе *s j* было сильнѣе палатализовано“, чѣмъ въ настоящее время, ссылаясь при этомъ на прусскій языкъ, гдѣ будто-бы только сочетаніе *s* съ *ǰ* измѣнилось въ шипящій (*š*), и на то, что также въ латышскомъ *s j* перешло въ *š*, и считая возможнымъ въ виду пр. и лтш. *š* изъ *s j* предположить тому подобное развитіе сочетанія *s j* уже для прабалтійскои эпохи. Все это, конечно, совершенно невѣроятно: что соответствовало въ прусскомъ литовскимъ смягченнымъ *ž*-, *č*- и *dž*- въ началѣ слова, этого мы за неимѣніемъ примѣровъ не знаемъ, а потому и не имѣемъ права утверждать, будто въ прусскомъ только сочетаніе *s* съ *ǰ* измѣнилось въ шипящій (*š*); а замѣна звука въ родѣ смягченнаго *š* черезъ *s j* > *š* была бы понятна—какъ происшедшая по аналогіи—внутри, но не въ

началѣ слова, а между тѣмъ въ литовскомъ находимъ *ś* изъ *s j* также въ началѣ слова (въ *siúti* „шить“ и др.); предполагать же для литовскаго языка чисто фонетическое измѣненіе смягченнаго *š* въ *ś* нѣтъ никакого основанія (такое смягченное *š*, вѣдь, и теперь еще встрѣчаемъ въ словахъ въ родѣ лит. *šiáurė* „сѣверъ“ и др.). Если же возводить теперешнее лит. *ś* (изъ *s j*) къ прабалтійскому *ś j*, то гдѣ же тутъ тотъ „Depalatisationsprozess“, который предполагается Зоммеромъ? Неужели онъ читаетъ напр. лит. *siúti* какъ *s júti* (вмѣсто *śúti*)?—Согласные *k, g* передъ палатальными гласными и сочетанія *k j, g j* одинаково измѣнились въ литовскомъ въ *k', g'*, а въ латышскомъ—въ *c, dz*, и поэтому Зоммеръ на стр. 128, 132 и 154 согласно своей основной гипотезѣ объ обобщеніи—*ē* или *-jā* хотѣлъ бы признать только формы на лит. *-kė, -gė*, лтш. *-ee, dze*, а не формы на лит. *-kia, -gia*, лтш. *-ca, -dza*. Въ дѣйствительности же нельзя отрицать, что существуютъ также формы на лит. *-kia, -gia*, лтш. *-ca, -dza*. Самъ Зоммеръ приводитъ на стр. 128 сл., 139, 144 слл. нѣсколько примѣровъ: лтш. *priēsa* „радость“, лтш. *mēnsa* „доршъ“, *nīsa* „Ort strom-abwärts“, лит. *prekià* „цѣна“, *ātakios* „возмездіе“, *rikià* „порядокъ“, *pirkià* „изба“ (также въ словарѣ Юшкевича 658 подъ *išvārstyti*). Доказательную силу этихъ примѣровъ Зоммеръ безуспѣшно пытается умалить. Такъ, напримѣръ, о лтш. *priēsa* онъ на стр. 132¹ говоритъ, что это слово скорѣе всего возникло на основѣ глагола *priecāties* „радоваться“, произведеннаго отъ существительнаго *priēks* „радость“ подъ влияніемъ противоположнаго по значенію *bijāties* „бояться“; какъ будто боязнь (а не печаль) является контрастомъ къ радости! Итакъ, остается только производить *priecāties* отъ *priēsa*, а не наоборотъ. Затѣмъ къ указаннымъ примѣрамъ могу еще прибавить: лит. *p. pl. mēnkios* (*Klaipėdiškių dainos*, стр. 30)—лтш. (куронск.) *mēnsas* (наприм., *Latwju dainas*, № 30775, 1), лтш. *lēcās* „корь“ *Rakstu krājums* XV 123 и *Ludza* (названіе города, см. *Būga Rocznik Slaw.* VI 36).

Остается упомянуть еще объ одномъ аргументѣ Зоммера. На стр. 124 онъ полагаетъ, что латышское нарѣчіе *rišām* „пополамъ“ по происхожденію *instr. pl.* къ *riuse* „половина“. Но рядомъ съ *rišām* встрѣчаемъ также *rišum* (напр., *Latwju dainas*, № 21901, 1 var.) въ томъ же значеніи: и *rišām* и *rišum* видоизмѣненія стараго *rišu* (=лит. *rusiaū*), возникшія вслѣдствіе колебанія между окончаніями *-u, -um* и *-ām* въ другихъ нарѣчіяхъ, см. статью Мюленбаха Изв. IX 3, 260.

Итакъ, прихожу къ заключенію, что гипотеза Зоммера о возникновеніи балтійскаго *-e* изъ *jā* и *a* priori невѣроятна и не подтверждается данными балтійскихъ языковъ.

Въ той же книгѣ на стр. 224 слл. Зоммеръ разсуждаетъ также о балтійскихъ существительныхъ типа лит. *brōlis*, лтш. *brālis* „братъ“, лит. *drugys*, лтш. *drudzis* „лихорадка“, лит. *uōsis*, лтш. *uōsis*, пр. *woasis* „ясень“ и др. По его мнѣнію прабалт. *-jas* въ пом. *s.* и *-je* въ вос. *s.* сохранялись послѣ гласныхъ и двугласныхъ и также послѣ такихъ *l, r, n*, которымъ непосредственно предшествуетъ краткій корневой гласный, причемъ въ послѣдствіи *lj, rj, nj* (въ пом. *s.*) измѣнились въ *l', r', n'*, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ *-jas* и *-je* потомъ измѣнились въ *-ias* и *-ie*, откуда затѣмъ путемъ сліянія получились *-īs* и *-ī*, которыя въ неударяемомъ положеніи въ литовскомъ нарѣчій Куршата сократились въ *-is* и *-i*. Формы же асс. *s.* этихъ именъ (напр. лит. *brōli, drugi*, лтш. *brāli, drudzi*, пр. *geitin* „хлѣбъ“) Зоммеръ считаетъ новообразованиями по аналогіи съ пом. *s.*, полагая, что передъ конечнымъ носовымъ не было никакого сліянія, и что въ прусскомъ рядомъ съ новообразованиями въ родѣ *geitin* встрѣчались еще и старья формы въ родѣ *geitien* (по его мнѣнію изъ **geitjan*). Свой взглядъ на эти балтійскія имена я подробно излагаю въ статьѣ, посланной еще весной 1914 г. въ редакцію KZ, и поэтому тутъ ограничусь нѣкоторыми замѣчаніями, вызванными новой книгой Зоммера.

Что послѣ гласныхъ и двугласныхъ первоначально имѣлось въ пом. *s.* только *-jas* (а не *-īs*), это совершенно вѣрно, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы также *-īs* (наприм., въ лит. *drugys*) и *-is* (наприм., въ лит. *brōlis*) восходили—путемъ сліянія—къ *-jas*. Что же касается вліянія согласныхъ *l, r, n* на форму конца слова въ пом. и вос. *s.*, то и тутъ предположеніе Зоммера не можетъ считаться доказаннымъ. Съ одной стороны, число словъ типа лит. *vāgias*, лтш. *va'š* „мѣдъ“ (у Зоммера на стр. 236 слл. и 240 сл.) крайне незначительно, и „исключенія“ (на стр. 259 слл.) въ родѣ лит. *parys, spenys* (=пр. *spenis*), по числу не уступающія „правильнымъ“ формамъ, только отчасти объяснены Зоммеромъ болѣе или менѣе удовлетворительно. А съ другой стороны самъ Зоммеръ на стр. 243 слл. и 260 правильно замѣчаетъ—это одно изъ немногихъ цѣнныхъ замѣчаній въ его объемистой¹⁾

1) Большой объемъ книги обусловленъ, между прочимъ, тѣмъ, что авторъ часто безъ всякой надобности указываетъ весьма много мѣстъ въ текстахъ, гдѣ находится та или другая балтійская форма, такъ, напримѣръ, лтш. *kāja* „нога“ на стр. 28 сл., *va'ga* на стр. 54, *zeme* на стр. 70 сл., *zāle* „травя“

книгѣ, — что литовскія существительныя на -jas (и соотвѣтствующія имъ латышскія формы) почти все — старыя формы средняго рода, въ которыхъ исходъ -jan въ пом. s. былъ замѣненъ черезъ -jas лишь послѣ возникновенія формъ пом. s. на -īs. Сюда относятся лит. *vārias*, лтш. *var'š* „мѣдь“ (ср. пр. *wargien*) и лит. *mēdžias*, лтш. *mežs* „лѣсъ“ (ср. пр. *median*) и, можетъ быть, также лит. *kārias*, лтш. *kar'š* въ значеніи „война“ (какъ склоненъ думать и Зоммеръ на стр. 244), лит. *kēlias*, лтш. *cel'š* „путь“ (такъ и Зоммеръ на стр. 243 и 244), лит. *tēlias* (въ словарѣ Ширвида подъ *ciele*; n. pl. *teliai* также у *Niemi ir Sabaliauskas*, *Liet. dainos*, № 255), лтш. *tel'š* „теленокъ“ (такъ и Зоммеръ на стр. 244; ср. средній родъ пр. *werstian* „теленокъ“ и слав. *tele*), лтш. *kumel'š* „жеребенокъ“ (нѣтъ основанія думать съ Зоммеромъ на стр. 274, будто *kumel'š* новообразование вмѣсто **kumelis*, возникшее подъ вліяніемъ *tel'š*), лит. *āmžias* и лтш. *mūžs* „вѣкъ“ (съ возможностью средняго рода тутъ считается также Зоммеръ на стр. 276, но не останавливается на ней, полагая вслѣдъ за *Trautmann*'омъ *Die altpr. Spr.* 299, что соотвѣтствующая лит. *āmžias* прусская форма асс. s. *amsin* „народъ“ — мужескаго рода, но безъ всякаго основанія: вмѣсто **amsian* > **amsien* могла возникнуть форма *amsin* подъ вліяніемъ колебанія между -ian > -ien и -in въ асс. s. муж. рода, какъ наприм. въ *gietien* при *geitin* „хлѣбъ“; вѣдь такъ же и самъ *Trautmann* l. c. 238 объясняетъ асс. s. *garrin* „дерево“ при старомъ *garian*). Къ старымъ формамъ средняго рода я склоненъ отнести также лит. *kēlias* „колѣно“ (у Зоммера на стр. 237), ср. средній родъ слав. колѣно. Такъ какъ въ литовскомъ по большей части -jas въ пом. s. вытѣсняется исходомъ -īs, а не наоборотъ, то я думаю, что форма лит. *kēlias* „колѣно“ древнѣе, чѣмъ лит. *kelys* и лтш. *celis*. Лит. *kelys* „колѣно“ Зоммеръ на стр. 260 и 262 считаетъ за *nomen agentis* къ *kēlti* „поднимать“, но что-же „поднимается“ колѣномъ? Кромѣ того, этого балтійскаго слова нельзя

на стр. 164, *cel'š* „путь“ на стр. 241 и др. Вѣдь всякій мало-мальски знакомый съ балтійскими языками лингвистъ знаетъ, что *kāja*, *vaļa*, *zeme* и т. д. общезвѣстныя въ латышскомъ языкѣ формы, для которыхъ не нужно никакихъ цитатъ. Въ своемъ введеніи на стр. 3 Зоммеръ, правда, заявляетъ, что эта его книга назначена для „индогерманистовъ“. Но мнѣ кажется, что также для „индогерманистовъ“ нѣтъ никакой пользы отъ излишняго накопленія цитатъ, и что также они должны бы наводить справки по балтійскимъ языкамъ въ трудахъ знатоковъ этихъ языковъ, а не у „индогерманиста“, какимъ себя считаетъ Зоммеръ, преподносящій имъ на стр. 269 слл. совершенно неправильныя разсужденія о латышскомъ конечномъ -js при -jš и о латышскихъ формахъ *dat. s.* словъ типа *brālis* „братъ“.

отдѣлять отъ слав. колѣно, и подобно слав. колѣно это слово— у Ширвида (въ формѣ gen. pl. kelių) Lit. u. lett. Drucke IV 7, 22—значить также „родъ, племя“ и по Куршату также—„Knoten eines Halmes“. Если же теперь въ литовскомъ вмѣсто kėlias „колѣно“ обычно находимъ kelys и въ латышскомъ только celis, то это можетъ быть объяснено тѣмъ, что это слово только изрѣдка употребляется въ единственномъ числѣ, такъ что форма пом. s. не сохранялась въ памяти, но образовывалась по аналогіи на основаніи формъ множ. или двойств. числа. Имена же на -jas употребляется или исключительно (такъ лит. vārijas), или по преимуществу (такъ лит. amžias, kārijas, kėlias „путь“), или весьма часто (такъ лит. mēdžias, tēlias, лтш. kumelš) въ единственномъ числѣ, чѣмъ и объясняется сохраненіе ими исхода -jas въ пом. s. Вѣдь, какъ правильно замѣчаетъ Зоммеръ на стр. 276, когда-то въ балтійскомъ число основъ на -jo среднего рода, вѣроятно, было больше, а тѣ изъ нихъ, которыя употребляются или по преимуществу или часто во множ. числѣ, потомъ ужъ приняли для пом. s. исходъ -is. Сюда я отношу лит. sārnis и лтш. sarnis „сновидѣніе“, ср. скр. svārnjam и лат. somnium. Это слово употребляется часто въ множ. числѣ (въ латышскихъ говорахъ имѣется даже синонимное plurale tantum sarnis), но часто также въ единст. числѣ, и поэтому возникновеніе формъ лит. sārnis и лтш. sarnis обусловлено, вѣроятно, еще особой причиной. Въ латышскомъ изъ *sarnias должна была возникнуть форма *sarnis (ср. наприм. lernis „гордый“ изъ *lernas), а замѣна послѣдней формы черезъ sarnis совершенно понятна. Что же касается соответствующей литовской формы, то и Зоммеръ на стр. 251 приводитъ два примѣра loc. s. sārņuje при одномъ примѣрѣ acc. s. sārņi, и я въ своихъ запискахъ нахожу два примѣра loc. s. (sarnye Lit. u. lett. Drucke III 132,16 и sarnije l. c. 133,4) при одномъ примѣрѣ acc. s. (sārņi Trakiečiu dzuku dainos, № 11V); и Явнисъ, повидимому, знаетъ только loc. s. этого слова, ср. стр. 65 сл. въ его грамматикѣ. Это даетъ нѣкоторое основаніе думать, что loc. s. sārņuje древнѣе, чѣмъ acc. s. sārņi (или пом. s. sārnis); а вѣдь въ грамматикѣ Куршата на стр. 145 loc. s. къ svēcijas имѣетъ форму svetyjē, такъ что не исключена возможность, что и loc. s. sārņuje первоначально относился къ пом. s. *sarnias. Кромѣ того надо отмѣтить, что сновидѣніе по-литовски обыкновенно уже называется sārna s.—Стремленіе къ обобщенію исхода -is (-is) особенно сильно замѣтно въ литовскомъ, гдѣ находимъ также формы въ родѣ kelys „путь“, vāris „мѣдъ“ и др., см. Sommer l. c. 237¹, 258 сл. и 260 сл.; а

въ латышскомъ подобнымъ образомъ заимствованное **grašs* „грошъ“ замѣнено новообразованиемъ *grasis* (gen. s. *graša*).

Лит. же *svēčias* „гость“ по происхожденію прилагательное, какъ показываетъ соотвѣтствующее ему лтш. *svešs* „чужой“. Что же касается лит. *giņčias* (sic!) „споръ, упрямство“, то Зоммеръ его на стр. 258 склоненъ считать старой формой средняго рода и на стр. 238 полагаетъ, что къ этому же слову восходитъ также лит. *giņčias* (sic!) „сварливецъ, упрямецъ“. Въ дѣйствительности же такихъ словъ нѣтъ! Зоммеръ тутъ изволилъ исказить (тоже для „индогерманистовъ“?) литовскую форму *giņčas*, какъ пишутъ и Юшкевичъ и Куршаты, которые послѣ возникшаго изъ *tj* смягченнаго *č* передъ гласными послѣдовательно вставляютъ *i*. Также Буга указалъ Изв. XVII 1, 38 (какъ и Явнисъ въ своей грамматикѣ на стр. 45 сл.), что слѣдуетъ писать *giņčas*; и какъ мы тутъ въ Россіи пользуемся германскими изданіями, такъ, кажется, также германскіе языковѣды могли бы пользоваться—какъ видно, не безъ пользы для себя—русскими изданіями.—На *giņčas*, а не *giņčias*, указываетъ также форма женскаго рода *giņčė* „упрямица“. Ясно, что *giņčas* „упрямецъ“ заключаетъ въ себѣ тотъ же суффиксъ *-ša-*, какъ и *gūčas* (изъ *gud-šas*) „умный человѣкъ“, *ilgšas* „высокій человѣкъ“ (еще другіе примѣры у Лескина *Die Bild. d. Nomina im Lit.* 448). Такъ какъ основы *gint-* или *gind-* не знаемъ, то остается возводить *giņčas* къ **giņšas* (къ *gintis* „защищаться, запирается“; ср. *ne-mokšas* у Лескина l. c. къ *mōkti* „учиться“) съ такимъ же вставочнымъ *t*, какъ въ *Ancas* „Hans“; что *-in-* передъ *-š-* не измѣнилось въ *i>ī*, объясняется тѣмъ, что **giņšas* возникло уже послѣ перехода *i* передъ спирантами въ *i>ī*. Затрудняетъ насъ только *giņčas* „споръ, упрямство“, такъ какъ слова на *-šas* обыкновенно являются названіями лицъ. Исторія этого слова мнѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Шлейхеръ даетъ въ своемъ *Lit. Lesebuch* на стр. 270 форму женск. рода *ginčā* „споръ“. Такъ какъ Шлейхеръ вообще не обозначаетъ смягченія *č* черезъ *i*, то позволительно читать *ginčīā* вмѣсто *ginčā* и усматривать въ *ginčīā* тотъ же суффиксъ *-tjā*, какъ въ *delčīā* „последняя четверть луны“ и др. у Лескина l. c. 394 сл. При частомъ колебаніи между *-a* и *-as* въ пом. s. неудивительно, если при *ginčīā* возникла и форма муж. рода **giņčias*, которая подъ влияніемъ *giņčas* „упрямецъ“ могла впоследствии измѣниться въ *giņčas*.—Мнѣ кажется, что не существуетъ¹⁾ также приведенное Зоммеромъ на стр. 241 изъ

¹⁾ Нѣтъ въ среднелатышскомъ нарѣчій, формы котораго Зоммеръ обыкновенно приводитъ, также существительнаго *brīds* (gen. s. *brīža*; у Зоммера

составленныхъ нѣмцами латышскихъ словарей *augšš*, „верхъ“ (но только форма женек. рода *a ūgšā*): форма *augšš*, вѣроятно, сочинена на основаніи неправильно понятаго нарѣчія *augšām* (при *augšām*), о которомъ см. статью Мюленбаха Изв. IX 3, 242 слл. и 247 сл.

Итакъ, данныя балтійскихъ языковъ сами по себѣ не указываютъ на происхожденіе *-īs* въ пом. s. путемъ сліянія изъ *-ias* и *-ī* въ voc. s.—изъ *-ie*; да и a priori нѣ такое сліяніе *ia* въ *ī* (вмѣсто измѣненія въ *-ija* или *ja*) кажется совершенно невѣроятнымъ. Если Зоммеръ на стр. 227 говоритъ, что „in Wahrheit lässt sich... gegen die... Annahme von Kontraktion nichts einwenden“, то онъ для подтвержденія своего взгляда долженъ былъ указать параллели такого сліянія *ia* въ *ī*. По моему мнѣнію, подробно обоснованному въ вышеупомянутой статьѣ, лит. *-ūs* и лтш. *-is* въ пом. s. первоначально получились изъ прабалтійскаго *-ijas* путемъ ранняго выпаденія *a* между *j* и *s* подобно тому, какъ въ пом. pl. основъ на *-i* лит. *-us* и лтш. *-is*, вѣроятно, такимъ же образомъ получились изъ прабалт. *-ijes*, см. мои Славяно-балт. этюды 175 слл. Что же касается литовскихъ именъ на *-ijas* въ родѣ *galvijas* „скотъ“ и др. (у Зоммера на стр. 232), то ихъ *-i-* я, подобно Фортунатову, возвожу къ болѣе древнему *-ī-*; прабалт. **galvījas*, конечно, тоже должно было измѣниться въ **galvījs* > **galvīs*, но подъ вліяніемъ остальныхъ падежей *-ījas* въ пом. s. потомъ было восстановлено, между тѣмъ какъ прабалт. *-ijas* уже не могло быть восстановлено влѣдствіе того, что послѣ измѣненія *-ijas* черезъ *-ijs* въ *-īs* старое сочетаніе *-ij-* повсюду измѣнилось въ *-j-*. Такимъ образомъ въ большинствѣ падежей фонетически совпали старыя основы на *-ijo-* (наприм. въ лит. *aulūs* „улей“, ср. слав. **ulьjь*) и *-jo-*, послѣ чего окситонныя основы на *-jo* мужескаго рода по аналогіи тоже получили окончаніе *-īs* въ пом. s. (таково, наприм., лит. *ežūs* „ежъ“, ср. праслав. **ežь*).

У Куршата, какъ извѣстно, находимъ въ пом. s. *-us* только подъ удареніемъ, въ положеніи же послѣ ударенія—всегда *-is*, тогда какъ въ другихъ литовскихъ говорахъ во всѣхъ положеніяхъ одинаково находимъ только *-us*, и также въ латышскомъ находимъ повсюду только *-is* (=лит. *-us*). Зоммеръ—подобно нѣкоторымъ другимъ языковѣдамъ—на стр. 226 полагаетъ, что неударяемое *-is* у Куршата фонетически получилось изъ того же *-us*, которое

на стр. 270), но только *brīdis*; *brīds* (изъ *brīdis*) находимъ только въ сѣверо-западныхъ и восточныхъ говорахъ, гдѣ вообще всякое *-is* измѣнилось въ *-s*.

у него является подъ удареніемъ. Но если это такъ, то почему же у того же Куршата основы на *i* въ пом. pl. всегда оканчиваются на—неударяемое— *-us* (а не *-is*)? Зоммеръ, относясь поверхностно къ предмету изслѣдованія, даже не касается этого вопроса. Вопросъ этотъ крайне труденъ уже потому, что не знаемъ дѣйствительнаго произношенія всѣхъ литовскихъ говоровъ. Можетъ быть, въ говорѣ Куршата также въ пом. pl. передъ *-s* въ дѣйствительности произносится краткій (а не долгій) гласный; въ такомъ случаѣ онъ могъ тамъ писать долгій гласный подъ вліяніемъ или литературнаго языка или сосѣднихъ говоровъ. Если бы это предположеніе соотвѣтствовало дѣйствительности, то конечно въ пом. s. было бы наиболѣе удобно возводить *-is* въ словахъ типа *brólis* къ *-us*, такъ какъ, напримѣръ, лит. *sartis* „Fuchspferd“ (къ *sartas* „fuchsröt“) и *žebrys* „Buntkopf“ (къ *žėbras* „buntköpfig“) повидимому, слова одинаковаго образованія, и такъ какъ, вѣроятно, имѣлись также имена съ суффиксомъ *-ijo-* и съ удареніемъ на корневомъ слогѣ. Если же правописаніе Куршата въ данномъ случаѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительному произношенію (въ пользу чего говоритъ примѣчаніе К. Буги къ переводу лит. грамматики Явниса на стр. 145²), то приходится искать другого объясненія. Можно бы подумать, что формы пом. pl. типа *nāktys* „ночи“ у Куршата новообразованія вмѣсто **nāktis*, но, какъ мною указано въ вышеупомянутой статьѣ, такое предположеніе встрѣтило бы серьезныя препятствія. Въ виду этихъ затрудненій я въ той статьѣ остановился на слѣдующихъ гипотезахъ: лит. *-is* въ первоначальныхъ словахъ типа *brólis*, быть можетъ, еще въ праиндоевропейскую эпоху возникло изъ неударяемаго *-jos*, или же это *-is* первоначально было свойственно старымъ баритоннымъ основамъ на *-i* мужескаго рода; вѣдь среди теперешнихъ словъ типа *brólis*, какъ извѣстно, не мало бывшихъ основъ на *-i* мужескаго рода, какъ наприм. *aĩtis* „Busen“ (ср. синонимное лтш. *az-uots*, gen. s. *az-uots*). А то, что въ такихъ словахъ теперь пом. s. (да и асс. s. и gen. pl.) сохраняетъ старую форму, тогда какъ другіе падежи склоняются по образцу основъ на *-jo*, имѣло бы параллель въ латышскомъ языкѣ, гдѣ при пом. s. *suns* „собака“ (=лит. діал. *šunis*) находимъ gen. s. *suĩa* и т. д. Если это такъ, то послѣ измѣненія сочетанія *-ij-* въ *-j-* старья баритонныя основы на *-jo-* и *-ijo-* > *-jo-* въ пом. s. по аналогіи словъ типа *aĩtis* могли получить окончаніе *-is*, тогда какъ въ части литовскихъ говоровъ и въ латышскомъ обобщенъ исходъ старыхъ основъ на *-ijo-*.—Что въ говорѣ Куршата въ части словъ на *-is* это *-is* дѣйствительно замѣнило собою старое *-us*, это намъ показываетъ

также опредѣленная форма прилагательнаго *didysis* „большой“ при неопредѣленномъ *didis*.

Гипотезѣ о происхожденіи *-īs* путемъ слиянія изъ *-ias* противорѣчатъ также литовскія формы типа *daugia*¹⁾ „много“ (какъ замѣтилъ и самъ Зоммеръ на стр. 347), утратившія въ качествѣ стараго пом., асс. s. средняго рода въ концѣ зубной взрывной согласный, такъ что въ говорѣ Барановскаго и др., гдѣ конечное *-ī(s)* не сократилось въ *-i(s)*, ожидалось бы **daugy* вмѣсто *daugia*. Спасая свою гипотезу, Зоммеръ на стр. 346 поэтому оспариваетъ обычный взглядъ на формы типа *daugia*, ссылаясь на то, что въ литовскомъ мѣстоименномъ склоненіи совершенно утрачены старыя формы средняго рода, и на пр. *saligan* „grün“ со старымъ именнымъ окончаніемъ, и примыкая къ гипотезѣ Лескина, что литовскія формы средняго рода на *-a* возникли рядомъ съ формами муж. рода на *-as* по образцу формъ средн. рода на *-u* при формахъ муж. рода на *-us*. Скептицизмъ въ языковѣдѣніи, конечно, часто весьма умѣстенъ, но только надо знать, когда онъ умѣстенъ. Если Лескинъ сомнѣвается въ древности литовскихъ формъ средн. рода на *-a*, то онъ долженъ былъ пояснить, почему именно только основы на *-u* могли сохранить старую форму средняго рода, или почему именно основы на *-u* тутъ оказали вліяніе на основы на *-o*, а не наоборотъ. Сдѣланныя же Зоммеромъ возраженія неосновательны. Пр. *saligan* доказательно только для прусскаго языка, гдѣ оно совершенно понятно, такъ какъ въ прусскомъ прилагательныя только отчасти склоняются по мѣстоименному склоненію, тогда какъ въ литовско-латышскомъ прилагательныя теперь всецѣло усвоили себѣ окончанія мѣстоименнаго склоненія, ср. наприм. пр. dat. pl. *wissamans* „вѣзмъ“: лит. *visiems*. Поэтому совершенно естественно, что въ литовско-латышскомъ также въ пом., асс. s. средняго рода прабалт. *-ap* было замѣнено мѣстоименнымъ исходомъ *-a[d]*, а на то, что такой исходъ въ литовско-латышскомъ имѣлся, ясно указываетъ хотя бы лтш. *ka* „что“ (союзъ). Что также въ латышскомъ имѣлись формы средн. рода прилагательныхъ на *-a[d]*, это намъ показываютъ еще нарѣчія въ родѣ *maz* (на утрату именно *-a*, а не *-i* въ концѣ этого слова указываетъ восточнолтш. *maz*)=лит. *māž* < *māža* (въ постиллѣ Даукши 18,7 и др.).

Наконецъ, гипотезѣ Зоммера противорѣчатъ также формы наст. времени (III лица) на *-ja* отъ безличныхъ глаголовъ въ родѣ

¹⁾ Встрѣчается также *daugi*—форма пом., асс. s. средняго рода основы на *-i*.

лит. *dėrgia, dīegia, keĩkia, spreĩgia, reĩkia* (*reĩkia*, можетъ быть, старая форма средняго рода прилагательнаго, ср. его сочетанія съ глаголомъ *būti* у Зоммера на стр. 139 сл.); отчего бы тамъ сохранилась *-ja*, если гипотеза его правильна? На этотъ вопросъ отвѣта не получаемъ, но за то Зоммеръ въ своихъ *Kritische Erläuterungen zur lat. Laut- und Formenlehre* на стр. 138 сл. находитъ такое же сліяніе въ славянскихъ основахъ наст. времени на *-i* (гдѣ это *-i* будто бы получилось путемъ сліянія изъ *-ije*) и въ литовскихъ (*sic!*) основахъ того же времени на *-i*. Судя по тому, что Зоммеръ говоритъ о сліяніи въ именныхъ основахъ на *-(i)jo*, въ основахъ наст. времени это сліяніе могло имѣть мѣсто только въ формѣ III лица, откуда возникшее путемъ сліянія *-ī* было перенесено и въ формы I и II л. множ. и двойств. ч. При этомъ онъ ссылается на діалектическія формы въ родѣ II л. множ. ч. *tūr'yt ēs* (въ Лит. хрест. Вольтера 381,18). Впослѣдствіи же по мнѣнію Зоммера *-y* въ концѣ слова сократилось въ *-i*, которое потомъ было перенесено оттуда въ формы I и II л. множ. и двойств. ч. Въ подтвержденіе своего взгляда на сокращеніе *-y* въ *-i* Зоммеръ могъ бы сослаться на формы voc. s. въ родѣ *bernēli* изъ Дусятъ (у Вольтера I. c. 361,24) при nom. s. *bernēlys* *ibid.* 361,21 (но въ acc. s. тамъ сохраняется *-y* изъ *-in*); и также въ литовской грамматикѣ Явниса на стр. 58 находимъ voc. s. *bróli* при nom. s. *brólys*. Но эти формы зват. падежа скорѣе объясняются общей тенденціей къ сокращенію специально формы зват. падежа, благодаря которой возникли также формы зват. падежа, утратившія гласный въ концѣ, въ родѣ *rānūé* у Вольтера I. c. 377,35 и 378,43, *Dóvud* и др. у Куршата § 499; ср. также формы зват. п. на *-e* IF XXXIII 124 и у Зоммера *Die indog. iā- und io-St. im Balt.* 247¹ къ формамъ nom. s. на *é*. И въ случаѣ возникновенія *-i* въ III лицѣ изъ *-y* было бы странно частое отпаденіе этого *-i* въ литовскихъ говорахъ, и въ возвратныхъ формахъ этого III лица ожидалось бы *-ys* вмѣсто *-is* (какъ въ литовскомъ, такъ и въ латышскомъ). Что же касается вышеупомянутой формы *tūr'ytēs* (въ значеніи повелит. наклоненія), то она создана на основаніи формы II л. ед. ч. (повелит. и изъявит. накл.) **tury* > діал. **tūr'y*; объ окончаніи *-y* я говорю въ статьѣ, которая должна появиться въ Изв. Еще болѣе рѣшительно противорѣчатъ гипотезѣ Зоммера соотвѣтствующія латышскія формы, съ которыми онъ тутъ—съ ущербомъ для дѣла—все не считается. Въ тѣхъ латышскихъ говорахъ, которые сохранили старыя основы настоящаго времени на *-i* и на *-ā*, въ случаѣ предполагаемаго Зоммеромъ сліянія могли бы возникнуть только

формы въ родѣ *sēdi „сидитъ“ (-i изъ -ī въ латышскомъ сохраняется): I л. множ. ч. *sēdīm (=saka „говоритъ“ sakām „говоримъ“, при krīt „падаетъ“: krītam „падаемъ“), а вмѣсто нихъ находимъ только III л. sēd: I л. мн. ч. sēdim, т.-е. формы, обязательно предполагающія старое краткое, *i* въ концѣ основы. Далѣе было бы странно, что въ безличныхъ и поэтому изолированныхъ формахъ въ родѣ лит. *geikia -ja* сохранилось, между тѣмъ какъ въ глаголахъ типа *sēdi -y* > *-i* могло быть перенесено даже въ формы I и II л. мн. и двойств. ч., и что въ балтійскомъ находимъ *-i* въ такого же типа глаголахъ какъ и въ славянскомъ, хотя само сліяніе по мнѣнію Зоммера произошло уже послѣ эпохи славяно-балтійскаго единства.

По моему мнѣнію балт. *i* (въ лит. *sēdime*, лтш. *sēdim* „сидимъ“ и др.): слав. *i* < *ī* (въ прксл. сѣдимъ и др.) =скр. *i* въ *svapī-ti* „спитъ“, *rōdi-ti* „плачетъ“ (ср. лтш. *gaudit* „плачете“ къ инфин. *gaudāt*) и др.: *ī* въ *amī-ti* „вредитъ“ и др. Въ пользу стараго чередованія *i* и *ī* также въ балтійскомъ можно бы привести латышское причастіе *dzirdīms* „слышимый“ (у Биленштейна Lett. Spr. II 189), если эта форма вѣрно записана.

И. Эндзелинь.